

Два с половиной тысячелетия назад на земле совершилось событие, которое поистине имело всемирно-историческое значение. 28 сентября 480 года до Р.Х. произошла знаменитая битва при Саламине, в которой небольшая флотилия греческих кораблей наголову разгромила огромный персидский флот. Это знаменовало решительную победу скромного сообщества греческих полисов над могущественной восточной державой. Первый масштабный военный конфликт между Западом и Востоком, каким стала Саламинская битва, имел судьбоносное значение. По мнению учёных, она определила магистральные пути дальнейшего развития европейской цивилизации, отдав предпочтение афинской демократии в противовес восточной деспотии.

Саламинская победа нашла отражение в трудах многих античных классиков – Геродота, Фукидида, Плутарха и других. Ей посвятил свою трагедию великий драматург Эсхил, который сам принял участие в легендарном сражении. Ном «Персы» также стал единственным произведением, который дошёл до нас из всего творческого наследия выдающегося древнегреческого поэта Тимофея Милетского.

Тимофей Милетский родился в 450 году до Рождества Христова в семье милетского гражданина Ферсандра. Много путеше-

ствовал по Элладе, побывал в Афинах, Спарте, Македонии и других местах. Участвовал в поэтических состязаниях, где выступал со своими номами – песнями в честь Аполлона. Был чрезвычайно плодовитым поэтом. Согласно византийскому словарю Свида, он являлся автором 19 номов, 35 вступлений к гимнам и многих хвалебных песен.

Тимофей Милетский считался поэтом-новатором. «Если бы мы не имели Тимофея, – говорил Аристотель, – то в нашей лирической поэзии был бы большой пробел». С похвалой отзывался о нём Платон, и даже суровые дорийцы признавали красоту его песен. Восторженные жители Эфеса заказали Тимофею написать гимн в честь Артемиды.

Однако удивительные новации поэта вызывали и резкие порицания. Выступая на Элевсинских мистериях, Тимофей дерзнул приладить к семиструнной кифаре ещё четыре струны, и возмущённые спартанские цари приказали подвергнуть его изгнанию, чтобы «каждый, видя суровый порядок города, воздержался вносить в Спарту что-либо непотребное, дабы слава состязания не была поколеблена никогда». По свидетельству Плутарха, комедиограф Ферекрат высмеивал новаторское творчество Тимофея: «Он всех превзошёл своими чудовищными диссонансами, от которых ползут мурашки, недопустимые ноты чрезмерной высоты и какие-то свистульки». На эти нападки поэт с вызовом отвечал: «Старых песен я не пою – мои молодые сильнее!».

От обширного творческого наследия Тимофея до нас дошёл только большой отрывок нома «Персы», посвященный известному эпизоду греко-персидских войн – морскому сражению при острове Саламин между флотом персидского царя Ксеркса и греческой флотилией, возглавляемой Фемистоклом. Очевидно, этот ном производил такое сильное впечатление на современников, что они зачастую завещали положить папирус с текстом в могилу. Один из таких папирусов и был обнаружен при раскопках в Египте в 1902 году.

Тимофей Милетский дожил до глубокой старости и скончался в 360 году до Р.Х. в македонском городе Пеле во времена царствования Филиппа II – отца Александра Македонского. Благодарные греки начертали на его надгробном камне эпитафию: «Он на кифаре своей ловким возницею был».

ПЕРСЫ

1.

Синь рассекая водорезом,
С разбега струг врезался в струг
И острым, как копьё, железом
Крушил сосну ладейных рук².
Когда, пронзив ладью Эллады,
Железный клюв кромсал кряжи,
На гребень варварской насады
Рвались ахейские мужи.
А если мимо корабля
Стальные молнии летали,
Удары вёсел синь считали,
Смерть отвращая от себя.
Размыканные корабли
Льнов опоясками сверкали:
Одни ко дну мгновенно шли,
Других же громы повергали –
Сталь побеждала красоту.
И бог войны, огнём калёный,
Срываясь с тетивы кручёной,
Звеня железом налету,
Врезался в бой стрелой точёной.
Тут смерть куски свинца несли,
Горящие льняные связки
На палках, срубленных вдали
Для бычьей пастухом острастки.
И много жизней во вселенной
Легло на жертвенник военный –
Медноголовых змей наука,
В пространство пущенных из лука.
Огнистые потоки тут
От кораблей струились ало,
Багряня гриву-изумруд
Дневногo моря. Всё кричало.

² Сосна ладейных рук – весло.

2.

Морская сила персиян
Помчалась в море – океан:
На нём венец из рыб сверкал
И мраморились крылья скал.
Какой-нибудь фригийский ратай,
Чью землю в день не обойти,
Руками, как большой лопатой,
Копал ладейные пути.
Он плыл, как остров, по теченью,
Бичуемый кнутом ветров,
Искал повсюду путь к спасенью
И умолял своих богов.
Когда же ветер затихал,
Уста захлёстывала брага:
Её варила между скал
Отнюдь не Вакхова корчага.
И, соль из глотки изрыгая,
Зубами скрежеща во тьму,
Кричал безумец, угрожая
Морскому богу самому:

«Ты, дерзкий, видно, позабыл,
Но мой владыка неспроста
Над Геллой³ берега скрепил
Льняными узами моста.
Настанет время – он придёт
И соснами азийских гор
Взволнует воды, а простор
Во взор блуждающий замкнёт!».

3.

Туда, где зыбь морская,
Стремится побыстреей
Распуганная стая
Персидских кораблей.
Летят они над бездной
В сумятице такой,

³ Гелла – Геллеспонт, Дарданелльский пролив.

Что бьётся клюв железный
О гребень струговой.
Стоит и треск, и скрежет,
И шум, и брань вокруг,
Когда железо режет
Сосну ладейных рук.
Вот в скрежете и взвизге
Удар ещё страшней.
Лишь мраморные брызги
Летят из челюстей.
Кормила, гребни, ростры –
Всё рушится во прах...
И было небо в звёздах,
Как море – в мертвецах.

4.

А тот, кто всё же спасся чудом,
Кто по прибрежным скользким лудам
Добрался до Силенских скал⁴,
Бореем⁵ напоён студёным,
Под чужеземным небосклоном
Созвездья Азии взыскал:

«О, вы, мизийские разлоги,
Где чернолесья так растут,
Что златокованные роги
Запутывает месяц тут.
Вернуться б к вам, родные дебри,
Забыть о Греческой стране,
Где ветры рыкают, как вепри,
И рыщут от волны к волне.
Здесь вход в пещеру nereид,
Который день и ночь открыт:
Лежит без дна морская падь –
Мне до неё рукой подать.
Судьба, веди меня к пределу,
Откуда, не смутясь ничуть,
Ты вымостила через Геллу

⁴ Силенские скалы – скалы острова Саламин.

⁵ Борей – северный ветер.

Столь далеко ведущий путь.
Я б город Сарды не покинул,
С шихана Тмольского⁶ не слез,
С размаха в эллина не ринул
Стальной персидский криворез.
А ныне, мыкаясь в беде,
Ищу убежища: везде
Лишь море синее шумит
Да эллинская сталь звенит.
Живу одной надеждой смутной:
Когда бы мог я наяву
Припасть к богине златокудрой,
Одетой в чёрную листву:

О Великая Горная Матерь⁷, спаси,
В золотую мизийскую даль унеси,
Огради преграждённого в днях ты от сеч,
Да не срубит мне голову эллинский меч,
Да не сгубит мне плоть леденящий Борей,
Не размечет по синим отрогам морей;
Чтобы славил до смерти богиню мою,
Прикажи от меня отлететь воронью».

5.

Как повёл, не спеша,
Ратоборничек в плен
Одного торгаша
Из богатых Келен⁸.
Тот к коленам припал
И к поножам приник,
И Эллады язык
С азиатским мешал.
С уст срывая печать,
Он пытался кричать,
Но от страха икал
И лобзал острый меч.

⁶ Тмол – гора в Лидии, на которой персы воздвигли сторожевую башню.

⁷ Великая Горная Матерь – богиня Кибела.

⁸ Келены – город на юге Малой Азии.

Он на ощупь искал
Ионийскую речь:

«Я, мне, тебе...
В чем дэло, друг?
Меня вел царь,
Я не хотэл.
Друг, никогда
Здесь воевать,
У Суз, у Сард –
Там буду жить
Я тыхо-тыхо...
Зевес – мой бог,
Свидэтель он!»

6.

А царь поверженной Персиды
Ещё взирал издалека,
Как расточали nereиды⁹
Его блестящие войска.
Там мечники, на диво прытки,
В кривом бегу стремились прочь,
Прекраснотканые накидки
Перстами раздирая вклучь.
Там лучший лучник Экбатана¹⁰
Быстрее дротика летел,
Вышвыривая из колчана
Горсть обоюдоострых стрел.
Там копьемёт из Вавилона,
Метнув куда-то копьецо,
Рысил, спасаясь от полона,
До слёз царапая лицо.
И над ахейскою землею
Стоял такой великий стон,
Как будто Азией самою
Он был из неба извлечён.
И так смешалось всё в округе –
Огонь и море, кровь и гарь,

⁹ Нереиды – морские нимфы.

¹⁰ Экбатаны – столица Мидии.

Что очи отворотил в испуге
Великий азиатский царь:

«Дворец, и тот на гибель обречён,
Когда оградой он не защищён.
Сегодня греческие корабли
Персиды щит разбили и сожгли.
Где слава Азии? Где чудный цвет её?
Где молодое воинство моё?
Иных пожрал огонь, а меч иных посёк.
Плывут пустые струги на Восток.
Рыдай, Персида: скорбный час пришёл.
Обратный путь и горек, и тяжёл...
Немедля запрягать мне четверню!
Предать шатры поганому огню!
Сносить в повозки золото-серебро –
Не будет впрок им царское добро!»

7.

А греки, возвратившись к месту
И сотворив по мёртвым жаль,
В удел священному Зевесу
Воздвигли варварскую сталь.
А после, следуя закону,
Свершая праздничный обряд,
Воспели славу Аполлону,
Ногами ударяя в лад.

8.

Оставь Пифийское подворье,
Златокифарный ворожей,
Приди и окажи подспорье
Поэме звончатой моей.
А то иной знаток зловеще
Шипит из тёмного угла,
Что голосом своим бесчещу
Я лад святого ремесла.
Люблю друзей златокифарных,
Зато взашей гоню других –

Звукозаконников бездарных
И горлодёров площадных!
Когда-то в чародейной тяге
Орфей к узорной черепахе
Приладил семь кручёных жил
И песню первую сложил.
Небесному вверяясь дару,
За ним Терпандр¹¹ взнуздад кифару,
Десницей натянув своей
Десяток золотых вожжей.
И вот, владея слухом верным,
Теперь пришёл другой колдун,
Который чистым звукомером
Одиннадцать настроил струн.
Он отворил чертог согласья,
Где твой оберегался клад:
Голосники труда и счастья,
Любви волшебный звукоряд.
В священном городе туманном
Явись ты, вещей Аполлон,
Даруя мирным горожанам
Добра и красоты закон.

Перевод Е.В. Лукина

¹¹Терпандр (VIIвек до Р.Х.) – древнегреческий поэт, создатель нома.